

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ МЕТОДОВ ПСИХОЛОГИИ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Введение

Научная деятельность археолога многогранна и в этом специфична. Среди наук о человеке и обществе, пожалуй, не найти подобной дисциплины, субъекты которой в силу неизбежного в науке разделения труда столь часто и разносторонне обращались бы за помощью к множеству других наук, становящихся в результате «смежными». Методы археологии только в малой доле состоят из собственно археологических методов, т.е. тех, которые археологи отработывают самостоятельно. Во всех иных случаях роль археолога состоит скорее в поиске и организации комплексных исследований: привлечении специалистов других наук, постановке перед ними задач, оценке и присвоении (интеграции) получаемого знания. Иными словами, это роль проектировщика. Это проистекает из особой природы «археологической реальности», которую авторы видят как сложную деятельностно-природную систему - гетерогенную, гетерохронную и гетероархивированную (Инешин, Тетенькин, 1997: 5). Взаимодействие археологов с представителями других научных дисциплин не есть дань моде, а неперемное условие адекватного представления сложной реальности.

В целом ряде случаев практики взаимодействия археологов со смежниками институализировались в обычные, ставшие уже обязательными процедуры, такие как радиоуглеродное датирование, споропыльцевой, биохимический, минералогический, петрографический анализы, палеонтологические исследования и определения, статистические методы и др. В других случаях, институализация совместных междисциплинарных исследований еще не состоялась, как правило, по двум причинам. Во-первых, это отсутствие видения соответствующих онтологических оснований, т.е. таких новых аспектов природы объекта, для которых необходимы особые исследовательские предметные проекции. И, во-вторых, смежная дисциплина еще не вполне состоялась в глазах научного сообщества именно как научная дисциплина. Сложнее всего происходит стык дисциплин, принадлежащих к различным естественно-научным и гуманитарным

интеллектуальным полям в силу различия господствующих в них парадигм, критериев строгости, истины и, в том числе, подчас в силу естественнонаучного позитивистского снобизма.

Археология (по крайней мере, доминирующая ее часть), несмотря на наличие общего с гуманитарными науками предмета (общество), исторически во многом развивалась как естественно-научная дисциплина, испытав влияние, в частности, геологии и биологии. П.Бурдьё называл подобное явление в культуре общества «эффектом Гершенкрона»: «социальные науки обязаны значительным числом своих характеристик и своих трудностей тому факту, что они также начали свой путь гораздо позже других, так что, например, они могут использовать сознательно или бессознательно модель более продвинутых наук, чтобы имитировать свою научность» (Бурдьё, 1994:63). Еще раньше отечественный исследователь и методолог Г.П.Щедровицкий ещё более резко и отчётливо отразил ситуацию в области гуманитарных наук: «...ничто, наверное, не оказало такого отрицательного влияния на развитие наук и философии в XIX-XX веках, как натурализм и попытки повсеместного распространения его на гуманитарные и социальные науки...» (Щедровицкий, 1975:147).

Одним из примеров неформившегося сотрудничества является исследование различных сторон психики древнего человека на основе археологических материалов. *То, что такие исследования должны быть, или, во всяком случае, ископаемые культурные остатки должны быть охарактеризованы и со стороны особенностей психической деятельности человека, проистекает из аксиомы антропогенного происхождения артефакта.* Вопрос корректности такой характеристики для археолога есть, прежде всего, вопрос привлечения в археологию специалиста-психолога. При первом же рассмотрении возможных аспектов сотрудничества авторы статьи увидели несомненную его эвристическую ценность. Условием для развития (инициации) палеопсихологических работ в собственной археологической практике является преодоление неизбежных сложностей

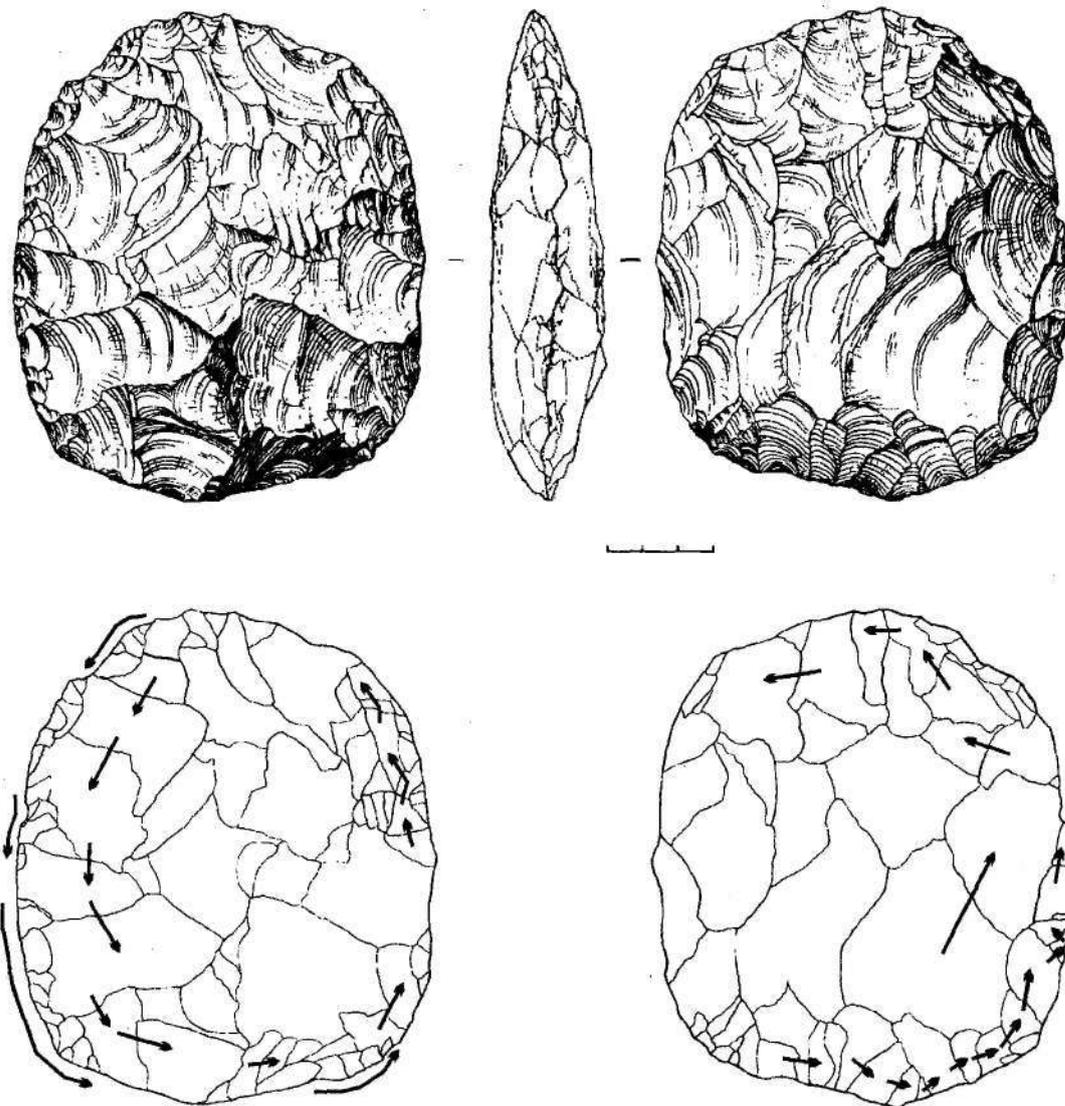

Рис. 1

эпистемологического и методологического плана. Рассмотрению различных аспектов и перспектив археолого-психологического направления посвящена данная статья. При этом авторы исходят из понимания детерминации научной ситуации 1) собственной исследовательской практикой, диктующей необходимость психологической характеристики ископаемых археологических материалов; 2) неразвитостью психолого-археологических исследований в археологии каменного века Сибири; 3) обусловленностью торможения работ, равно как и преодоления метаархеологическими и метанаучными конкурирующими парадигмами последнего столетия.

I. Возникновение «археологического повода».

Анализ рукоисти в расщеплении камня

В ходе проведения камеральных методов обработки и изучения каменного инвентаря археологического местонахождения Большой Якорь I авторы обратили внимание на характер наложения на предметах негативов-фасеток снятий фасиального расщепления. Такое наложение было оценено как результат последовательности и направления в

движении руки с отбойником вдоль артефакта (рис. 1). Эта последовательность «читается» и на фасах обработанных камней и в аппликационных сборках (рис. 2). Отметим, в частности, что выделение ее на материалах апшшкративных сборок (ремонтажа) наиболее валидно. В данном, инициальном случае обработка орудия осуществлялась в направлении против часовой стрелки. Следующий шаг рассуждения заключался в моделировании моторики движения левой и правой рук, обеспечивших характер негативов. Мы предположили, что в этом случае имеем дело с обработкой предмета *правой рукой*, наносящей удары в направлении к себе (рис. 3а,б). Сплошной осмотр в коллекции орудий достаточно крупных, чтобы нести на себе серию негативов снятий, привел к ряду заключений.

1. Общий вектор движения руки вдоль предмета и, как мы предполагаем, в направлении к себе во многих случаях прерывался отступлениями - возвратными движениями, связанными с подправкой неровностей кромки и фаса. В случаях подправки несколькими ударами направление их нанесения соответствовало общему вектору наложения негативов. Количество

возвратных движений и подправок (т.е. степень тщательности отделки) зависело от назначения обрабатываемого участка (например, лезвие) и от степени успешности расщепления. Последняя есть выражение качества материала и/или мастерства обработки.

2. Нами были выявлены («прочитаны») 17 случаев оформления орудий против часовой стрелки по периметру фасов, 2 случая наложения ретуши по часовой стрелке (оба в 6 к.г.). Преобладание в наших наблюдениях может быть самостоятельным аргументом в пользу предположения о праворукости.

3. Отношение "ретушь по/против часовой стрелки - лево-/праворукость" может быть различным в зависимости от характера обработки (ударной ретуши, отжимной, снятия микропластин). В частности, если отжим краевой ретуши у кромки отщипа осуществлялся давлением на преформу снизу вверх, то праворукая обработка—направление движения руки на себя - будет выражена в наложении фасеток ретуши по часовой стрелке (рис. 4).

4. Ротация скальвания микропластин с фронта торцового нуклеуса также должна быть определяема право-леворукостью мастера. Наши данные апплицирования микропластин в трех сборках из ЗВ культурного горизонта показывают направление ротации слева направо, если полагать фронт лицом к мастеру / исследователю (рис. 5а). В одном блоке (рис. 5а) собрано 11 микропластин, которые образуют три ряда снятий. На этой основе мы реконструируем три цикла снятий, имеющих одинаковое направление и начинающихся с возврата руки с противоположного края фронта. Иную ориентацию снятий микропластин справа налево продемонстрировала аппликационная сборка из 6 культурного горизонта, в которой мы наблюдаем фрагменты двух циклов ротации скальвания с фронта (рис. 5б). Началу второго цикла предшествовал возврат руки с противоположного края фронта к тому же краю, с которого начинались и снятия первого цикла. Иное направление ротации снятий по фронту нуклеуса из 6 к.г. в отличие от направления, представленного в сборках и ЗВ к.г. (т.е. слева направо), на данном уровне знаний может быть интерпретировано либо как свидетельство работы другой руки (левой?), либо как результат применения иной техники фиксации нуклеуса - расщепления.

Интерпретация расположения на фасах изделий фасеток как результата работы правой либо левой руки вывело нас на ряд вопросов о характеристике в этой связи *нейропсихической* деятельности древнего человека. Известно, что за координацию правой и левой рук отвечают соответственно левое и правое полушария головного мозга. В современной психологии широко развиты исследования функциональной специфики полушарий, в том числе, например, нарушения развития детей, особенности появления левшей и т.д. Отталкиваясь от императива предельно полной характеристики ископаемых артефактов, мы подошли к необходимости психологической атрибуции археологического материала по типу «х

есть а, б, с, d + результат работы зоны головного мозга, особенностей психики и поведения».

Знакомство психолога с нашими археологическими коллекциями и проблематикой выявило еще ряд моментов сопряжения. В частности, одним из методов развития мыслительных способностей у детей является обучение навыкам мелкой моторной деятельности рук. Этот опыт, например, может быть полезен, в частности, в понимании (интерпретации) бусины с насечками на ребре из 3 культурного горизонта местонахождения Коврижка II на Витиме, 8 тыс.л.н. (рис. 6), а также, в общем случае, такого процесса, как развитие в позднем палеолите - неолите тенденции к миниатюризации продукта расщепления - микропластинчатой преформы, нашедшее отражение во всех изучаемых на Нижнем Витиме ансамблях каменного века. Ряд задач для палеопсихологии может быть расширен и поставлен далее в ходе обсуждения проблемы метода исследования. Однако прежде следует обратиться к доводам со стороны самой психологии, имеющим свой собственный логический дискурс и собственные вопросы к археологам.

II. Психологический анализ ископаемых культурных остатков

Изучение человека как биосоциального феномена привлекает специалистов различных отраслей научного знания. Междисциплинарные исследования позволяют осуществить комплексный подход к изучению человека на разных этапах развития. Практическое применение психологических знаний традиционно используется для различных отраслей научного знания.

Одним из направлений научного исследования, обеспечивающим междисциплинарный подход является палеопсихология, которая возникла на стыке археологии, психологии и истории, основателями которой в нашей стране можно назвать Б. Ф. Поршнева (1974) и Ю. И. Семенова (2002). Основной задачей палеопсихологии является изучение материальных остатков культуры древнего человека, на основе которых можно судить об особенностях его психики как исходной формы психики современного человека.

Попытка использования методов нейропсихологии для исследования сознания древних людей была предпринята британским ученым А. Маршаком (профессор Гарвардского университета; об этом: Левитин, 1978: 75-78). По предметам, оставшимся от каменного века, по наскальным рисункам, насечкам, орнаментам исследователь пытался выяснить, до какой степени развит был мозг у человека, их изготовившего, что он умел, какие знания хранились в нем.

Обращение к психологии в связи с поиском докультурных психологических феноменов в основании практик, идеологии, социальных отношений характерно для современной западной постструктуралистской (постпроцессуальной) археологии (например: Hodder 1992:201-219).

В.П. Алексеев (1984), рассматривая вопросы палеопсихологии, считает, что если в психике древнего человека и существовали какие-то своеобразные

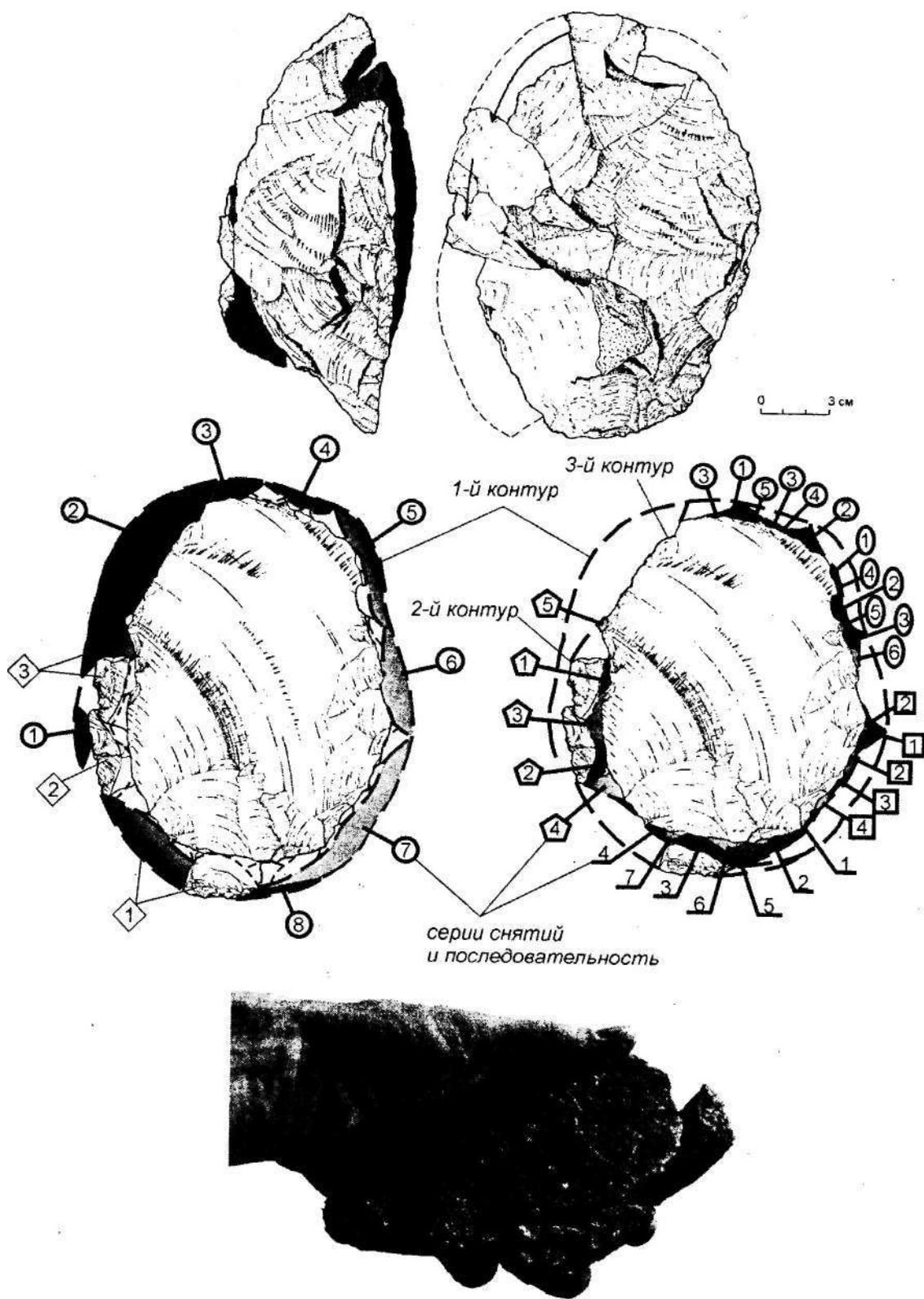

Рис. 2.

явления, свойственные только ей, то мы не можем их обнаружить, не имея им аналогий в психике современного человека. Психический субстрат, структура психической деятельности являются основным в предмете палеопсихологии, а субстрат этот дан только в психических явлениях, свойственных современному человеку.

При исследовании материальных остатков деятельности ископаемого человека, являющихся предметными следами их психических функций, разумная интерпретация возможна лишь по аналогии с психической деятельностью современного человека. Развертывая эту аналогию, можно думать, что характер логического, элементарные противопоставления, свойства памяти, образы, символы и воображение, уровень развития ассоциаций, социальное поведение - вот те структурные компоненты психики ископаемого человека, которые следует реконструировать в рамках палеопсихологии.

С позиции палеопсихологии изменения в обществе происходили вместе с изменениями людей, изменениями не их анатомии, но их психики, которая социальна во всем, на всех своих уровнях. Люди во времени не одинаковы, все в них глубоко менялось, кроме анатомии и физиологии вида *homo sapiens*.

На наш взгляд, особый интерес представляет исследование психических особенностей древнего человека через изучение археологических остатков. Результаты такого исследования, с одной стороны, позволили бы глубже понять эволюционные процессы, воссоздать исторические и культурные особенности развития человека, с другой стороны, изучение психики древнего человека поможет разобраться с нерешенными проблемами психологической теории, к которым можно отнести, прежде всего, проблему соотношения биологического и социального в личности, роли бессознательного и сознания в поведении человека, определения движущих сил развития и проблему деформации личности (Мунерман, 1998).

Психологический анализ продуктов деятельности древнего человека представляет интерес и для психологических исследований. В процессе изменения общественно-исторических, культурных и природных условий изменяется психика человека. Психологический анализ знаков, орудий, в общем случае артефактов как результата деятельности мозга позволит раскрыть особенности сознания древнего человека, описать его поведенческие реакции, раскрыть особенности познавательной сферы. Исследование психики древнего человека позволит понять и раскрыть механизмы развития психики современного человека.

На сегодняшний день существует гипотеза, что психические нарушения современного человека являются эволюционным приобретением и своеобразной «платой» за функциональное развитие мозга современного человека. Тогда, возможно, изучение мозговой организации психической деятельности древнего человека позволит нам понять механизмы развития отклоняющегося поведения и

соответственно определить основные направления помощи современному человеку в его коррекции и компенсации.

Психический облик древнего человека представляет интерес для различных отраслей научного знания. При этом применение психологических знаний (проведение психологического исследования) позволит раскрыть одну из существенных характеристик древнего человека - его психику.

Это возможно в процессе междисциплинарного исследования, с использованием археологических и психологических данных. Археологические раскопки содержат огромный материал продуктов человеческой деятельности. Традиционно данный материал анализируется с позиции их культурологической ценности, исследуется с позиции их функционального назначения.

Проведение психологических исследований в данном направлении сталкивается с рядом объективных трудностей - выбор адекватных методов научного исследования. Традиционно в психологии применительно к исследованию психики современного человека используют ряд методов, например, эксперимент, наблюдение, психодиагностические методы. Тафономические особенности культурных остатков древнего человека не позволяют использовать весь арсенал психологических методов исследования, в то же время отдельные методы - изучение (анализ) продуктов деятельности человека - являются доступными.

В психологии деятельность понимается как целенаправленная активность человека с целью достижения определенного результата. В ней проявляются как сознательные, так бессознательные и подсознательные психические особенности человека. Соотношение деятельности и психики многократно подчеркивается в отечественных исследованиях. С одной стороны, деятельность является результатом работы психики, с другой стороны деятельность является условием развития психики человека. В качестве основы психики человека выступает предметная деятельность (Леонтьев, 1977). В предметной деятельности человека отражаются способности, мотивационно-потребностные, индивидуально-типологические особенности человека и пр. Кроме того, анализ результатов практической деятельности человека позволяет воссоздавать возможные ситуации его жизнедеятельности.

Идея психологического анализа обработанных камней и его отличия от анализа археолога или антрополога принадлежит Б.Ф.Поршневу (1974). Психологический анализ концентрируется на анализе действий (моторных движений), совершенных человеком для обработки камня, и позволяет ответить на вопросы, какова в данном случае нервно-психическая, нейрофизиологическая и нейродинамическая природа этих действий, т.к. моторика человека неразрывно связана со всей психической жизнью человека (Рубинштейн, 1999).

На основе изучения моторных действий, которые использовал человек для обработки камня, отличия их

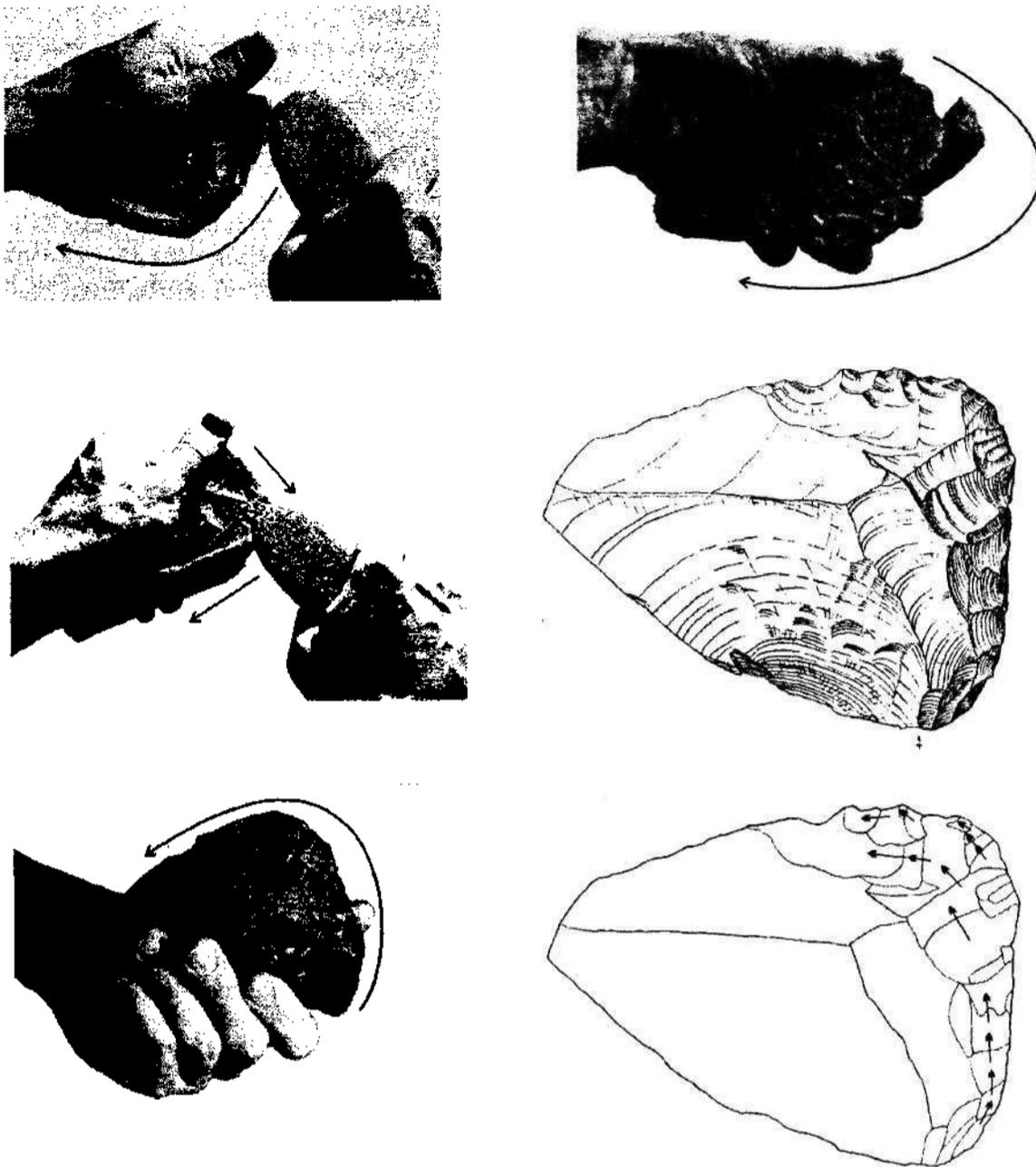

Рис. 3

или сходства на различных камнях, количества сколов, их характера можно судить о степени развития предметной деятельности древнего человека, наличия элементов творчества, сформированное™ представлений, умений, потребностей. Можно сделать вывод о преобладании в процессе трудовой деятельности древнего человека имитативности и подражательности как специфическом свойстве высшей нервной деятельности для ранних (более примитивных) этапов развития психики человека или об изменчивости и вариативности - как способности преобразовывать, созидать, «творить».

В качестве материала, представленного для анализа, нами использовались орудийные коллекции эпохи верхнего палеолита с местонахождения Большой Якорь

I (11-12000 л.н.). Нами были проанализированы особенности обработки камня, а также отдельные предметы (бусина) обработанные человеком.

Мы попытались проанализировать характер обработки найденных объектов - в данном случае, прежде всего, характер моторных движений руки - действия, а также определяли латеральные предпочтения по ведущей руке.

Рукость - это проявляющееся в деятельности человека преимущество правой или левой руки по силе, ловкости, скорости реакции. Существуют различные варианты рукости у человека. Большинство современных людей европейской популяции - праворукие. За последнее время увеличивается процент людей с леворуким преобладанием и амбидекстрией -

отсутствие преобладания какой-либо руки. Определение ведущей руки позволяет констатировать о типе межполушарной асимметрии головного мозга. Известно, что левое полушарие контролирует мышечные сокращения правой половины тела, а правое - левой, т.е. в мозге существует контралатеральная иннервация двигательной активности.

Учет рукописи позволяет высказать предположения о морфологических и функциональных особенностях головного мозга древнего человека. Например, известно, что мозг леворуких более симметричен, чем мозг праворуких по функциям, по типу взаимодействия со срединными структурами (Доброхотова, Брагина, 2003). У праворуких во внутреннем строении черепа больше различия левой и правой сторон, чем у леворуких, различается и морфологическое строение коры больших полушарий у правшей и левшей (Леутин, Николаева, 2005).

Левое полушарие, контролирующее работу правой руки, обрабатывает информацию последовательно, отвечает за вербальные и символические стимулы, формально-логическое мышление, обеспечивает социальную адаптацию, оно разумно.

Управляющее левой рукой правое полушарие обрабатывает информацию, поступающую одновременно и целостно, отвечает за обработку эмоционального содержания, пространственные функции, за узнавание знакомых лиц, мелодий, ассоциативно-эмпирическое, метафорическое мышление, обеспечивает биологическую адаптацию, оно интуитивно.

Морфологические мозговые различия людей с разной межполушарной асимметрией мозга отражаются и на различиях в их внутреннем психологическом облике. На основе анализа рукописи можно судить о психофизиологических особенностях человека, о характере его деятельности. Отмечаются существенные различия в когнитивной, эмоци-нальной, личностной сфере у людей с разной межполу-шарной асимметрией мозга, по-разному у них протекают процессы восприятия пространства и времени. Например, правополушарные характеризуются высоким уровнем ориентировки в пространстве, большей приспособленностью к экстремальным условиям.

По преобладанию праворуких-леворуких можно делать предположение о преобладании в культуре древнего человека рационального или иррационального начала. Так например, преобладание право-, левополушарности различно у представителей различных культур. В западной - преобладает левополушарное доминирование, в традиционных восточных культурах и у представителей севера - правое. {P. Орнит ^йн: цит. по Леутин, Николаева, 2005).

Характер обработки предметов с Большого Якоря I свидетельствует о достаточной развитости мелкой моторики руки, хорошей координации движений руки, сформированности произвольной двигательной сферы, что обеспечивалось прочными функциональными связями на уровне зрительного, тактильного, двигательного анализатора, сформированных функциональных связей на уровне премоторной,

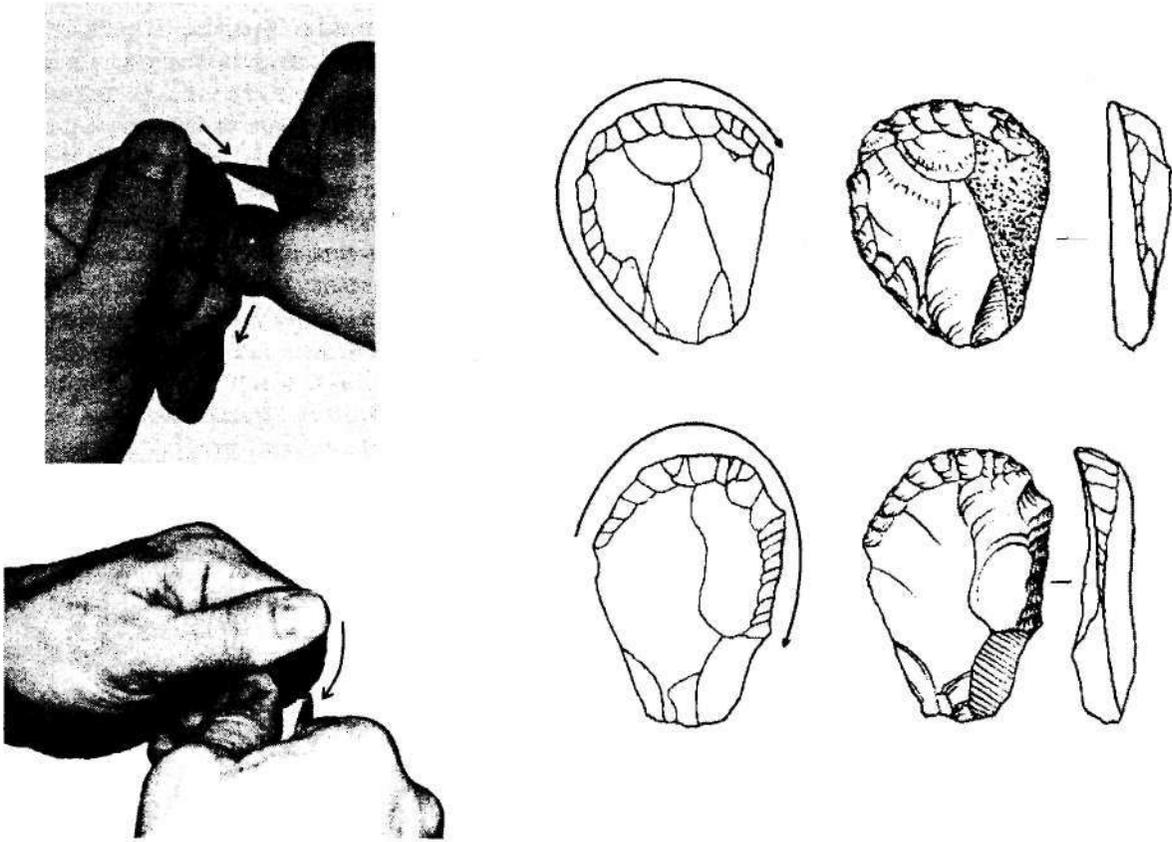

Рис. 4

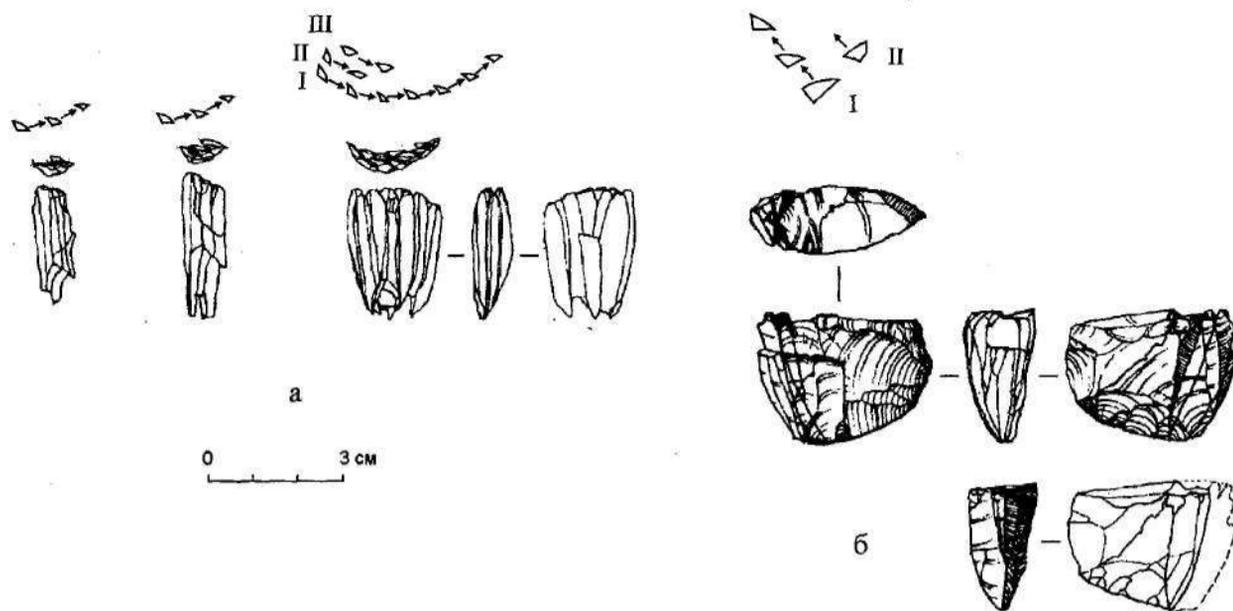

Рис. 5

моторной, теменной, теменно-затылочной коры больших полушарий при управлении лобными зонами. Данный уровень сформированности психики можно рассматривать как предпосылку к развитию знаковых коммуникативных систем (такая функциональная связь обеспечивает у современного человека рисование, письмо).

Межполушарная асимметрия мозга человека может претерпевать изменения в течение жизни (это происходит в процессе адаптации человека в меняющихся условиях - в том числе географических, природных, может носить компенсаторную функцию - компенсация при развитии заболевания). По статистике при неблагоприятных жизненных ситуациях количество леворуких, скрытых левшей возрастает.

В связи с этим мы можем предположить, что в сложных жизненных ситуациях у древнего человека также возникало изменение асимметрии мозга как адаптационное последствие. Таким образом, по процентному соотношению право-, леворуких (отсутствию доминантности) можно судить о благоприятном и неблагоприятном окружающем пространстве.

Традиционно в нейропсихологических исследованиях (Леутин, Николаева, 2005) принято считать, что соотношение праворуких и леворуких в истории развития человечества постоянно. В то же время, на сегодняшний день отмечается увеличение леворуких примерно на 10 %, по сравнению с серединой 20 века. Большой процент (чем в современном мире) леворуких людей мог бы быть причиной развития культуры в сторону чувственного, интуитивного, иррационального, творческого и т.п., в противовес технологическому. Существует и еще одна точка зрения, что в филогенезе асимметрия прошла три фазы: правшество - левшество - снова правшество; поэтому их следы у нас могут наслаиваться друг на друга (Доброхотова, Брагина, 2003).

Интерес вызывает психологический и нейропсихологический анализ навыков мелкой моторной деятельности руки, что в свою очередь позволяет

сделать вывод о мозговой организации моторных функций, о развитии мыслительных способностей человека.

Психологический анализ обработки бусины диаметром 1 см с 13 насечками по ребру из 3 культурного горизонта Коврижки II (рис. 6) позволил сделать ряд суждений. Тенденция к миниатюризации продукта расщепления является признаком высоко организованного координированного функционирования моторных функций человека, преобладания правого полушария, отвечающего за развитие пространственных функций. Наличие отдельных дифференцированных насечек на ребре бусины свидетельствует о способности человека к дифференцированию, анализу, детальному восприятию окружающего мира, и, как следствие, к развитию функций левого полушария. Насечки выступают в качестве определенного повторяющегося, дифференцированного знака, что, возможно, говорит о наличии предпосылок количественных представлений человека. Использование знаков (насечек) может свидетельствовать об определенном уровне абстракции. Сфера абстрактного сознания - это сфера теоретического объяснения явлений и процессов в природе и человеческом обществе. Приспособленность руки к тонким и точным действиям в современной психологической практике связывается бурным ростом дифференциации функций - трудовых и знаковых - в онтогенезе. Таким образом, нейропсихологический анализ обработки бусины с насечками свидетельствует о сформированности межполушарного взаимодействия в процессе осуществления деятельности человека, в том числе познавательных процессов.

Как нам представляется, с позиции психологического и нейропсихологического анализа археологические материалы можно проанализировать по следующим критериям:

1. Направление обработки сколов и отщеплений (право-, леворукость мастера и соответственно особенности его познавательной, эмоциональной

сферы, тенденция к рациональности или иррациональности и т.п.).

2. Величина, размер ископаемого материала (например, тенденция к макро- и микро- изображениям свидетельствует об активации правого полушария человека и как следствие тенденции к пространственной ориентировке, значимости эмоционального компонента в оценке окружающего мира, целостности, симультантности восприятия).

3. Характер обработки ископаемого материала (например, мелкая, тонкая обработка ископаемого материала может свидетельствовать о развитии моторных зон мозга, координированности функциональных систем на уровне теменных, затылочных и теменно-затылочных зон мозга правого и левого полушария).

4. Кинематика движений, выполненных человеком при обработке материала (разнообразие кинематических движений свидетельствует о степени сформированности функциональных систем на уровне мозга).

5. Разнообразие или однообразие обработки разных изделий на одном участке (наличие стереотипности и примитивности мышления или креативности).

6. Последовательность или хаотичность в обработке материала (наличие внутреннего плана действий, целенаправленности, мотивированности деятельности, нацеленности на конечный результат).

7. Наличие или отсутствие эстетических начал при изготовлении орудий, инструментов, др. материала - потребность в духовном, наличие высших потребностей у мастера.

III. Вопросы методологии палеопсихологических исследований в археологии

Специфика привлечения методов психологии в целом сходна с общей ситуацией с организацией междисциплинарной научной деятельности в археологии. Как представляется авторам, постановка палеопсихологических исследований должна служить решению задач уровней 1) суждения об отдельном артефакте, 2) суждения о деятельности, 3) суждения о психике древних людей. Для каждого из этапов присущи свои проблемы построения знания. Рассмотрим их вкратце, каковыми они видятся нам.

На этапе суждения об отдельных артефактах происходит построение *атрибутивного* по характеру знания: «ископаемый предмет есть *a, B, c, </...>*» (Тетенькин, Инешин, 2003). Этот исходный этап в развитии археологического познания, обязательный в процессе *научного семиозиса* - императива интерпретации объекта в рамках ответственности археолога. Количество атрибутов - предикатов суждения (*a, B, c, ...*) зависит от наличных в научной культуре онтологических представлений об объекте. В том числе артефакт должен быть охарактеризован методами палеопсихологии, и ему будет присвоено соответствующее знание.

На этом этапе строятся заключения о принадлежности предмета правше или левше и,

следовательно, особенностях межполушарной функциональной организации мозга, об уровне развития нейропсихологических функций отдельного мастера, изготовившего артефакт, о мотивационной и потребностной сфере, уровне зрелости функциональных систем, поведенческих тенденциях, особенностях познавательной сферы, наличии или отсутствии признаков патологических процессов на уровне психической организации деятельности.

Следующим, более высоким этапом интерпретации археологических объектов будет переход от суждений об отдельных предметах к суждениям на их основе о палеодеятельности. Этот уровень научной работы мы назвали этапом *предметизации знания* (Тетенькин, Инешин, 2003). Деятельностная ситуация характеризуется здесь в таких аспектах, как координированность действий, выражение в пространственных формах деятельности психических реакций на социальный статус, соотношение и количество правой и левой, выделение индивидуальных черт деятельности и других. Сложности, стоящие на этом пути, мы представляем, прежде всего, в виде тафономических барьеров (сохранность, инситуность, компрессия и др.), операционных исследовательских барьеров (частичная раскопанность, неполная сохранность коллекции, малоинформативность, невыразительность имеющегося материала, утрата или неполная документация и др.) и собственно барьеров неразвитости психолого-археологической методики диагностирования материала и интеграции знаний по интерпретационным схемам.

Отметим субмасштабность, скоротечность процессов деятельности по отношению к динамике эволюции нейропсихических способностей *homo*. Скепсис в отношении знания как тривиального строится как раз на представлениях, например, о незначительности точечных выводов о праворукости

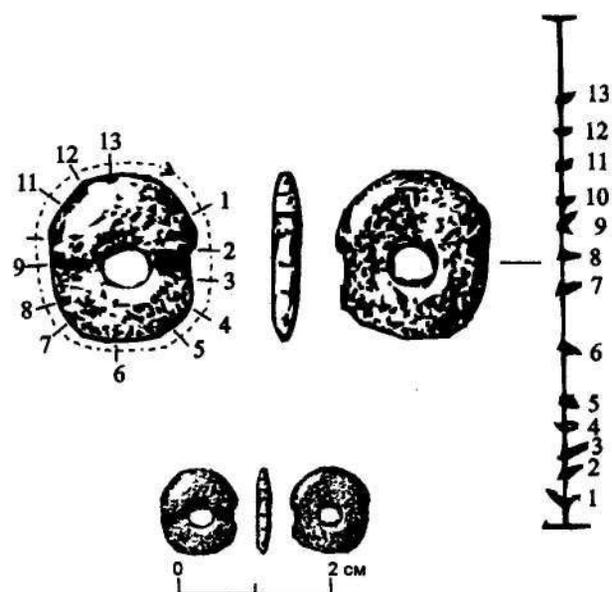

Рис. 6

или координированное™ в рамках 40-тысячелетней истории *homo s. Sapiens*.

Следующим уровнем «восхождения палеопсихологии» будет *изучение исторических аспектов развития психики человека* на основе доступных археологических материалов. На этом этапе знания встраиваются в собственный научный дискурс психологии. К указанным выше трудностям привлечения отдельных данных в интерпретации добавляются сложности, связанные, например, с проблемой презентативности выборки: воспроизводит ли деятельностная ситуация одной стоянки на данном срезе структуру древнего общества в целом? Как быть с огромными хронологическими лакунами, пролегающими между кратковременными стоянками? В этом смысле интерпретированные с помощью психологии артефакты рискуют сколь угодно долго оставаться единичными фактами на «белой ленте спящей истории». С другой стороны, на уровне оперирования знаниями о **многих** артефактах возникает *«эффект пазла»* в интерпретации: множество единичных суждений некатегоричной модальности стремится к организации общего «верного» суждения, реализующего в себе невысказанный положительный потенциал частных выводов. Добавим, что схемой, организующей такое общее суждение, должна выступить онтологическая картина идеального объекта (Тетенькин, 2003).

Как представляется нам сегодня, скепсис и трудности не должны останавливать исследователя на пути развития археопсихологии. Прежде всего потому, что отрефлексирована психическая составляющая онтологической природы ископаемых культурных остатков. Понимание сложностей работы должно вести не к выводу о ее неосуществимости, а к рефлексии метода, условий допусков, рамок получаемых знаний. С другой стороны, состоявшееся плодотворное длительное сотрудничество археологии со многими «смежными» дисциплинами наработало значительный опыт преодоления трудностей, который в силу эпистемологической однотипности познавательных ситуаций может быть взят на вооружение.

Литература

- Алексеев В.П.** Становление человечества. - М.: Политиздат, 1984.-462 с.
- Доброхотова Т. А., Брагина Н.Н.** О языке описания функциональной асимметрии // Актуальные вопросы функциональной межполушарной асимметрии. - М.: НИИ мозга РАМН, 2003. - С. 110-117.
- Инешин Е.М., Тетенькин А.В.** Введение к системно-деятельностному подходу в практике археологических исследований // Методы естественных наук в археологических реконструкциях - Новосибирск, 1995.-Ч.1.-С.5-10.

Левитин К.Е. Мимолетный узор. - М.: Знание, 1978. -С. 75-78.

Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. - М.: Политиздат, 1977.-304 с.

Леутин В.П., Николаева Е.И. Функциональная асимметрия: мифы и действительность. - СПб: Речь, 2005.-С. 67-98,269-305.

Мунерман И.И. Проблемы палеопсихологии и современная психологическая теория личности. - М., 1998.

Поршнева Б.Ф. О начале человеческой истории. - М.: Мысль, 1974.-487 с.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. - СПб.: Питер, 1999.-712 с.

Семенов Ю.И. Как возникло человечество. - М.: Изд-во ГПИБ, 2002. - 789 с.

Тетенькин А.В. К вопросу о выборе способа изображения объекта археологического исследования // Известия Лаборатории древних технологий. - Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2003.-Вып. 1.-С.26-33.

Тетенькин А.В., Инешин Е.М. Логико-методологические аспекты зооархеологических исследований // Социогенез Северной Азии: прошлое, настоящее, будущее. - Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2003. - С.40-45.

Щедровицкий Г.П. Исходные представления и категориальные средства теории деятельности // Разработка и внедрение автоматизированных систем в проектировании (теория и методология). — М., 1975. - С.72-161.

Hodder, Ian 1992. Theory and practice in archaeology-London: Routledge, 1992. -285 p.

Summary

This article is devoted to the questions of applying the methods of psychology in archaeology. The understanding of the necessity of such researches relates with recognizing the existence of the causal correlation between neuropsychological function and artifacts. The supposition of right and left hand production of stone tools becomes the reason to initiate this kind of research. As the data for observation authors use the collection of stone implements of the Upper Paleolithic site Bol'shoi Iakor'-I. Based on the data of sequence of splitting authors suppose the different variants of the handing manifestation for different techniques of stone splitting. These statements were appreciated from the positions of psychology as the result of function of cerebral (brain) parts characterized also by some other attributes which now could be conferred to artifacts. There are discussed also some epistemological aspects of collaboration of archaeology and psychology based on the experience of such collaboration of archaeology with other disciplines.